

0907

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN[®]

Морин Кенан

**В ВИХРЕ
ИСКУШЕНИЙ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Лорин Кенан

В вихре искушений

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кенан Л.

В вихре искушений / Л. Кенан — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08658-7

Когда они были детьми, Чэнс был самым популярным парнем в округе, а Холли – тощей девочкой с белесыми хвостиками. Спустя двенадцать лет герой спецназа приезжает домой в отпуск и встречает повзрослевшую подругу. Теперь ему придется выбирать между нею и армией.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08658-7

© Кенан Л., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лорин Кенан
В вихре искушений
Роман

Lauren Canan

Redeeming the Billionaire Seal

Redeeming the Billionaire Seal © 2016 by Sarah Cannon

«В вихре искушений» © «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Новорожденный жеребенок неуверенно поднялся на тоненькие заплетающиеся ножки, шатаясь, сделал несколько дрожащих шажков и, подталкиваемый мордой матери, нашел ведро с теплым кормом. Маленький хвостик дернулся и игриво взлетел в воздух. Холли Андерсон не могла наглядеться на первые движения малыша, которому помогла появиться на свет.

– Я думал, не выживет, – сказал Дон Джеффрис, владелец кобылы. – Всю свою жизнь занимаюсь лошадьми, считал, все про них знаю. Но этот ножками шел, а я никогда с таким не сталкивался.

– Такое случается не часто, – согласилась Холли. – Слава богу, все обошлось.

– Не могу передать, как я вам благодарен, док!

– Была рада помочь.

Холли в последний раз полюбовалась жеребенком и вышла. Она собрала свои инструменты и закинула их в ведро с дезинфицирующим раствором, стоявшее в кузове ее грузовичка.

– Я заеду через пару дней посмотреть, как они. Только нужно, чтобы кто-то мне помог с матерью, – вряд ли она согласится отпустить от себя ребеночка даже на несколько минут.

– Не волнуйтесь. Просто позвоните заранее, я позабочусь, чтобы кто-нибудь был здесь, когда вы приедете, если сам не смогу.

Холли пожала ему руку на прощание и поехала обратно в свою ветеринарную клинику. Солнце уже зашло, свет фар разрезал синеватые сумерки.

Она уже закончила мыть инструменты, когда звон колокольчика над входной дверью сообщил ей о посетителе. Наверное, она опять забыла повесить табличку «Закрито». Утром ее срочно вызвали ни свет ни заря, она уже двенадцать часов была на ногах и мечтала только о горячей ванне.

Быстро вытерев руки бумажным полотенцем, она вышла в небольшую приемную и застала там двух мужчин. Холли уже погасила всюду лампы, но из лаборатории пробивался свет, и она сразу узнала Коула Мастера, одного из владельцев ранчо площадью девять тысяч акров. Холли выросла вместе с тремя сыновьями Мастерсов. Домик ее тети, в котором она сейчас жила, был через дорогу от их огромного особняка. Хотя все трое были на несколько лет старше Холли, но они дружили с детства и считали ее членом своей семьи.

Что касается парня, стоявшего рядом с Коулом, Холли понятия не имела, кто он такой. Наверное, какой-то знакомый приехал на выходные. Коул и его брат Уэйд иногда приглашали деловых партнеров провести уик-энд на лоне природы: покататься на лошадях, устроить пикничок, приготовить еду на костре (под руководством приглашенного шеф-повара). Зачем нужен профессиональный повар, чтобы приготовить хот-дог на гриле, было за пределами ее понимания. Но каждому свое.

Судя по добродушной глуповатой улыбке Коула, вряд ли их привело сюда какое-то чрезвычайное происшествие. А она устала. Было поздно. И ей давно пора вернуться домой к ребенку и отпустить Аманду. Зачем бы он ни явился – пусть выкладывает и убирается.

– Привет, Коул, – сказала она. – Опять забыл дорогу домой?

– Ха-ха.

– Чем могу помочь?

– Хотел взять антибиотики для гневной кобылы, она ногу поранила. Кaleb должен был забрать, но что-то замешкался. Я сказал ему, что сам заскочу, если ты еще не закрылась.

– Правильно. Я и забыла. Они в холодильнике. Сейчас принесу.

Холли прошла в свой кабинет, достала из холодильника ампулы, положила в пластиковый пакет, кинула туда же несколько шприцев и вернулась в приемную.

- Вот. Кaleb знает, что делать, но, если будут какие-то вопросы, пусть позвонит.
- Конечно, – ответил Коул, но не двинулся с места.
- Что-то еще?

Коул посмотрел на своего спутника и снова повернулся к Холли, не сказав ни единого слова.

– Прости, мне не до загадок, – сказала она. – У меня был тяжелый день. Как насчет того, чтобы пропустить театральные эффекты и просто сказать, что тебе нужно? – Холли перевела взгляд на незнакомца. – Я прошу прощения, но иногда Коул переигрывает.

Мужчина хмыкнул, будто вся эта ситуация его забавляла. Улыбка Коула стала шире.

– Клево! – хохотнув, сказал он своему другу. – Надо было взять с собой Уэйда.

Холли не знала, что и сказать. Что значит это «клево»?

– Ладно! – Она хлопнула ладонью по стойке. – Желаю всем приятного вечера. Будете уходить – закройте дверь.

Она повернулась и сделала всего несколько шагов, когда услышала за спиной низкий голос:

– Куда спешишь, Куколка?

Холли замерла. Сердце затанцевало у нее в груди.

Этот голос, глубокий и хриплый. Только один человек называл ее Куколкой. Но этого не может быть. Или может? Холли обернулась и, затаив дыхание, посмотрела на высокого, широкоплечего мужчину в низко надвинутой на лоб ковбойской шляпе. В одну секунду последние двенадцать лет испарились, и Холли снова смотрела в глаза лучшего друга.

Она должна была узнать его, даже не видя лица. По его манере стоять, расставив ноги и откинув плечи назад, большие руки лежат на бедрах в постоянной готовности дать отпор.

У него было красивое лицо с крупными чертами. Высокие скулы и римский нос придавали ему нечто аристократическое, пока нос не переломали на футбольных тренировках. Широкий подбородок украшала ямочка, когда-то сводившая с ума всех девчонок в округе. Полные губы открывали в улыбке ряд крепких белых зубов. Холли помнила, как ждала этой улыбки. Как надеялась на нее. Светло-голубые глаза были такого яркого оттенка, что Холли всегда казалось, будто что-то подсвечивает их изнутри. Но она помнила, что их взгляд может быть пугающим, как незнакомец, возникший на вашем пути безлунной ночью, гипнотизирующим, как кобра, возбуждающим, как ласка, или искриться юмором, как сейчас. Ей все время было интересно, замечает ли он вообще, как люди оборачиваются на него на улице, или уже так привык к этому, что просто не обращает внимания?

На нем были камуфляжные военные брюки и светло-коричневая футболка, обтягивавшая бицепсы и рельефные мышцы груди. На загорелом запястье были большие часы, циферблат которых больше напоминал приборную доску.

Перед ней стоял воин.

Спецназ ВМС США.

Чэнс Мастерс вернулся домой.

– Чэнс, – прошептала Холли.

Она протянула руку, желая дотронуться до него и убедиться, что он действительно здесь. Чэнс поймал ее маленькую ладонь и положил себе на грудь. Сквозь тонкий трикотаж Холли ощущала его мерное сердцебиение.

Она почувствовала, как слезы наворачиваются ей на глаза, и быстро заморгала, стараясь это скрыть. Он был ее лучшим другом, ее первой любовью. И стал ее первым горем, когда записался в армию.

Хотя его отъезд заметил весь город. Некоторые, в основном девушки, были разочарованы, другие, в первую очередь их родители, вздохнули с облегчением. Ее брат как-то сказал, что мечтал бы получить пять центов за каждую девушку, которую отшил Чэнс Мастерс.

Холли кинулась ему на шею. Чэнс обхватил своими ручищами ее тонкое тело, и она почувствовала, что оказалась в кольце живой, могучей жизненной силы. Спустя пару минут она отступила назад, вытерла слезы, шмыгнула носом и убрала с лица прядки волос, выбившиеся из косы. Она судорожно вдохнула, пытаясь взять себя в руки, вытянулась и подняла голову.

– Командир! Добро пожаловать домой!

Чэнс широко улыбнулся с высоты своего огромного роста и кивнул.

– А ты изменилась, Куколка. А может быть, и нет, – сказал он лукаво. Голос у него стал ниже за эти годы. – Но брекеты исчезли. Твои тощие хвостики тоже. И кажется, ты стала немного выше.

Холли улыбнулась.

– Ты думаешь?

Ей было всего двенадцать, когда он, сразу после окончания средней школы, вступил в ВМС, так что да, за двенадцать лет, она, конечно же, изменилась. Но и он изменился тоже. Она ощущала животный магнетизм, сочившийся из каждой поры его тела;

он был альфа-самцом во всех смыслах этого слова. Холли показалось, что температура в приемной стала на пятнадцать градусов выше.

Он больше не был неукротимым сорванцом, всегда умевшим найти неприятности на свою голову. Теперь это был мужчина, который умел использовать свой интеллект и укротить свои эмоции, источавший уверенность в себе. И неотразимо мужественный, – не могла не заметить и не почувствовать Холли. Шесть футов четыре дюйма¹ чистых мускулов, Чэнс был еще более умопомрачительным, чем она помнила. Она, конечно, узнавала друга детства по отдельным чертам, и все-таки прежний Чэнс исчез, преобразившись в этого мощного мужчину. Он, наконец, усмирил демонов, бушевавших в нем много лет назад и превращавших его в кошмар всей округи. Холли видела, что этот сильный человек сумел укротить свой буйный темперамент и животную энергию.

– Мне очень жаль вашего отца. – Холли перевела взгляд на Коула, адресуя свои соболезнования и ему.

– Спасибо, – ответил Коул.

Холли снова повернулась к Чэнсу:

– Он так гордился тобой. Мы все гордимся.

Чэнс кивнул, но ничего не ответил. Она вспомнила ходившие в городе слухи о ссоре между ним и его отцом. Холли не очень хорошо знала мисс Тера Мастерса, тот редко появлялся на ранчо. Ее брат однажды передал ей слова Чэнса об отце, что того интересовали только деньги и что, когда старик умрет, он наверняка ухитрится захватить их с собой на тот свет, потому что только ими и интересовался на этом.

Чэнс обошел маленькую ветлечебницу. В лаборатории он мельком оглядел приборы, рентгеновский аппарат, микроскопы. Две комнаты были полностью оборудованы для того, чтобы проводить хирургические операции. Еще одна комната была для пациентов, восстанавливающихся после них.

– У тебя тут здорово, Холли, – сказал он, оглядываясь вокруг. – Нашему Калико-Спрингс давно был нужен ветеринар. Ты всегда мечтала устроить тут клинику. Ты молодец!

– Мне много помогали. Мы держим ее вместе с Кевином Грэйди, без него я бы не справилась. Он лицензированный ветеринар, который тоже много лет хотел открыть собственную клинику. У меня было помещение, и я пустила его сюда. А он за это помогал мне последние два года учебы: практический опыт, диагностика, лечение. И твои братья помогли с займом для покупки оборудования. Мне пришлось много и тяжело работать, но да, все получилось, и я очень рада этому.

¹ 193 см.

Чэнс понимающе кивнул. Он мог сказать то же самое о жизни, которую сам выбрал. Выражение его лица стало серьезным.

– Я слышал о Джейсоне. Очень тебе сочувствую, – сказал он, имея в виду старшего брата Холли, который был убит в Ираке. – Он был отличным парнем.

Она кивнула и опустила глаза, охваченная тяжелым чувством.

– Бывают дни, когда я забываю, что его больше нет. Я беру телефон, чтобы позвонить ему, а потом вдруг вспоминаю... что некому звонить.

Чэнс и Джейсон были лучшими друзьями с четвертого класса, когда мать Чэнса наконец добилась, чтобы ее сыновья росли в нормальных условиях, забрала их из закрытого пансиона и отдала в местную государственную школу. Мальчишки сразу подружились и оставались лучшими друзьями до смерти Джейсона. Холли догадывалась, как тяжело было Чэнсу, когда он получил известие о гибели Джейсона, тот был ему даже ближе, чем родные братья.

– Слушай, ты устала. Я пробуду здесь некоторое время. Давай заскочу к тебе завтра?

– Ловлю на слове.

– Обязательно, – кивнул Чэнс.

– А ты... – Холли ткнула пальчиком в грудь Коула. – Ты такой подлый! Как ты мог не сказать мне, что Чэнс вернулся? Но я все равно тебя люблю.

Тот усмехнулся в ответ и вышел. Чэнс кивнул Холли на прощание и последовал за Коулом.

Заперев клинику, Холли задумчиво побрела по темной дорожке, петлявшей между деревьями, перешла по старому деревянному мосту реку Оттер-Крик и вышла к своему маленькому домику. Чэнс вернулся. Через что ему пришлось пройти за эти годы, она могла только догадываться. Но выглядел он хорошо. Даже лучше, чем хорошо. Прошло столько лет. Что он делал все это время? Воевал... Сражался... Наверное, совершал подвиги, которые она все равно не сможет оценить, даже если Чэнс о них и расскажет. А может быть, ей лучше обо всем этом и вовсе не знать.

Холли вспомнила про Аманду и прибавила шаг. Аманда Стиллер, ее старая подруга, сидевшая сейчас с малышкой, наверное, уже собралась домой, если, конечно, не прилипла к телевизору. Полуторагодовалая Эмма была довольно беспокойным ребенком, и Холли было неудобно перед подругой. Правда, та была теленаркоманкой, а у Холли была спутниковая тарелка с тремя сотнями каналов, так что Аманда частенько предпочитала оставаться ночевать на ее диване, а не ехать в город, особенно сейчас, когда осталась без работы. Она была медсестрой послеоперационного ухода, а местной больнице пришлось уволить половину медицинского персонала, но им пообещали, что их восстановят, как только будет утвержден новый бюджет. Аманда видела в этом возможность наверстать упущенное, а именно – валяться на диване и смотреть все подряд.

Холли вошла через заднюю дверь и услышала звуки одного из любимых сериалов подруги. Жуткая музыка предвещала нечто ужасное. Через несколько секунд раздался выстрел. Какая-то женщина закричала, какая-то другая женщина зарыдала. Сегодня был вечер пятницы, значит, Аманда смотрела «Тебе не скрыться».

– Кто умер? – спросила Холли, бросая сумку на стул.

– Эта старая ведьма, миссис Лэтэм. Ее застрелили.

– Снова? Ты уверена, что это не повтор?

– Уверена.

– Интересно, кто же убил ее на этот раз? – язвительно спросила Холли.

Миссис Лэтэм уже застрелили, зарезали, удушили и утопили, и все это не по одному разу. Холли не смотрела этот сериал, но в городе было достаточно фанатов, помимо Аманды, кому не лень было пересказывать ей новые серии, да еще и требовать комментариев и догадок.

– Думаю, это Джон, потому что он хочет жениться на ее дочери, а старая карга не позволяет. И вообще, кто бы ее ни пристрелил, мерзавка это заслужила. Она такая. Если бы ее не пристрелили, она наверняка рано или поздно испортила бы Джону жизнь.

Холли покачала головой и направилась на кухню. Аманда так увлекалась своими мыльными операми, что пересказывала содержание серий, будто вечерние новости. Холли знала, что старая миссис Лэтэм все равно воскреснет тем или иным образом. Только сегодня хозяин собачки, которой Холли делала прививку, восторженно поведал, что с актрисой, которая играет злодейку, продлили контракт еще на год. Но Холли не стала портить Аманде удовольствие.

– Останешься?

– Еще бы! Этот диван намного мягче моей кровати, и у меня до сих пор нет ни кабельного, ни спутникового. Все, что я могу посмотреть, – это погода и местные новости, а ничего захватывающего здесь не происходит.

– Поставь себе тарелку. Можно найти недорогой вариант.

Аманда пожалала плечами.

– У тебя веселее. Лучше я буду сидеть тут с тобой и Эммой, чем торчать дома в одиночестве. Дэвида не будет еще месяц. Ой! Чуть не забыла! Я обещала Эмме повести ее завтра смотреть на воздушных змеев.

– На озеро?

– Само собой.

– Я и забыла, что шоу уже в эти выходные. Наверное, будет весело. Ей понравится. Я, правда, работаю в субботу, но только полдня. Так что могу сама с ней сходить. Ты и так столько делаешь для нас.

– Мне это только в радость, иначе не делала бы.

– Спасибо. Я закрою клинику пораньше и приду, как только смогу.

Реклама закончилась, и Аманда снова припала к экрану. Холли сделала себе бутерброд с сыром и заглянула в детскую. Эмма спала на спине, раскинув ручки в разные стороны. Абсолютно белые кудряшки сияли, как нимб. Холли склонилась над кроватью и поцеловала маленький лобик.

Ее сердце опять сжалось от боли при мысли, что Эмма никогда не увидит ни отца, ни матери. Джейсон был бы потрясающим отцом. Она бережно хранила фотографии брата и его жены, чтобы показать Эмме, когда та вырастет.

Холли терзалась чувством вины каждый раз, когда была вынуждена с кем-то оставлять Эмму. Часто она брала малышку с собой в клинику, и та играла в своем манеже в небольшой комнате рядом с лабораторией. Но в те дни, когда Холли выезжала на ранчо, девочку приходилось оставлять с Амандой, и, хотя на Аманду можно было положиться, Холли грызла себя каждую минуту.

Джейсон, ее брат, два года назад подорвался на mine в Ираке. Когда их отец узнал о гибели сына, его сердце не выдержало. А спустя четыре месяца жена Джейсона умерла при родах, и Эмма осталась сиротой еще до того, как открыла глазки. Так что Холли с Эммой остались вдвоем, и никого больше в целом мире у них не было. Но Холли любила девочку и рада была заботиться о ней.

Она включила маленький ночник в углу комнаты и пошла набрать себе ванну. Погрузившись в горячую воду, она расслабилась и отпустила свои мысли. И они сразу устремились к Чэнсу Мастерсу. Он изменился, но разве не все они изменились за двенадцать лет? Коул пару месяцев назад сказал ей, что Чэнс был ранен. Больше ей никто ничего не говорил, и Холли утешала себя древней мудростью, что отсутствие новостей – уже хорошая новость. Но когда Чэнс не появился на похоронах его отца, она поняла, что случилось что-то ужасное. Несколько дней она представляла себе всякие ужасы, но не хотела приставать к Коулу или Уэйду с вопросами в такой момент. Если они получают какие-нибудь новости – хорошие или плохие, –

то, конечно, скажут ей. Поэтому, когда сегодня вечером Чэнс пришел в клинику, она испытала такое облегчение, что просто повисла у него на шее и разрыдалась, как ребенок. Должно быть, он подумал, что она превратилась в истеричку.

Приняв ванну, Холли натянула старую синюю футболку, еще раз проверила Эмму и упала в постель. Она улыбнулась в темноту. Чэнс вернулся. Эта мысль крутилась у нее в голове, как прекрасная песня. Она уже почти смирилась с мыслью, что этого может никогда не произойти. В каком-то смысле этого и не произошло. Тот Чэнс, которого она знала всю жизнь, не вернулся. Когда она обнимала его, ей казалось, что она обнимает теплую мраморную колонну. На его подбородке появился маленький шрам. Взгляд стал более жестким. Коул однажды упомянул, что Чэнс быстро продвигается по службе, его все время повышают в звании.

Малолетний разбойник, одинокий плохиш превратился в воина, лучшего, какого могла пожелать эта страна. Он был сильным и опасным и, несомненно, способным на многое. Но Холли чувствовала, что армия всего лишь направляет его силу, но вовсе не контролирует ее. В нем все еще ощущалась та дикая животная сила, которая сделала его таким, какой он есть. В его братьях этого не было. Чэнс всегда был другим, всегда выбирал свой собственный путь. Он нашел свое место в жизни. К сожалению, это место оказалось на линии огня, но Холли старалась об этом не думать.

Впервые она поняла, почему девчонки постарше сходили по Чэнсу с ума двенадцать лет назад. Ему даже не приходилось ничего для этого делать. Это было что-то в нем самом – в его движениях, голосе, в его прикосновениях, в том, как он смотрел на девушку, заставляя ее чувствовать себя желанной и представлять, что он мог бы с ней сделать. Сегодня она провела рядом с ним всего несколько минут, но даже этого хватило, чтобы Холли почувствовала неожиданное влечение к нему. Прежде она была ребенком, и Чэнс видел в ней всего лишь младшую сестру. Теперь она была взрослой, и блеск желания в его глазах сказал ей, что она женщина, женщина во всех смыслах этого слова, и Чэнс знает это. И ее тело откликнулось на его неосознанный призыв.

Холли со стоном перевернулась на бок. Она годами мечтала, что в один прекрасный день он вернется и вот так на нее посмотрит, но она и представить себе не могла, что ее мечта сбудется. Надо возвращаться к реальности. Чэнс вернулся домой, чтобы восстановиться после ранения. Потом он снова уедет. А ей надо позабыть свои детские мечты. Мир изменился, и они изменились вместе с ним. Зато у нее остались счастливые воспоминания детства.

Интересно, Чэнс все еще увлекается лошадьми? Будет ли он снова возиться с жеребятами, объезжать верхом стада? Когда-то лошади были его страстью. Вряд ли в последние годы он часто их видел. Еще он любил реку, которая протекала по их землям. Раньше, до появления Эммы, Холли часто приезжала на любимое место Чэнса, садилась на валун, смотрела на быструю воду и пыталась представить, где он сейчас и чем занимается. Годы проплывали, как опавшие листья, уносимые рекой, и в конце концов она почти смирилась с мыслью, что никогда больше не увидит Чэнса Мастера.

Но он был здесь. Она увидит его. Завтра. И она не хочет заглядывать в будущее дальше этого дня. Она совершенно не хочет думать о той боли, которую ей придется пережить, когда он снова уедет. Он здесь. Она может дотронуться до него, поговорить с ним и обеспечить себя новыми воспоминаниями на следующие несколько лет.

Холли думала о том, каково ему сейчас в огромном доме Мастерсов. Спустя столько лет внезапно вернуться к забытой роскоши – это может быть очень стеснительно. Несмотря на то что некоторые мечтали иметь хотя бы десятую часть богатства семьи Мастерс, Чэнс был равнодушен к нему и не любил говорить о нем. Холли представила себе, в каких условиях он жил последние годы. Наверняка это сильно отличалось от особняка Мастерсов. Интересно, спит ли он сейчас? Или не может уснуть в непривычной обстановке? Или, возможно, из-за разницы во времени он бодрствует ночью и спит днем?

Если она не заснет, то может прогуляться до конюшни, поводить лошадок и вернуться домой. И если Чэнс Мастерс не спит, то это будет то самое место, куда он отправится.

Глава 2

– Никто не говорит, что ты должен уйти из спецназа и вернуться в корпорацию, – защищался Уэйд. – Я только сказал, я думаю, что этого хотел бы папа.

Как Чэнс должен был спорить с тем, что невозможно ни доказать, ни опровергнуть?

В один прекрасный день его отец сказал, что умывает руки и не намерен больше покрывать младшего сына и его возмутительное поведение. Он настоятельно посоветовал Чэнсу записаться в армию, чтобы не угодить за решетку. Поэтому Чэнс и пошел в программу подготовки спецназа. Он очень сомневался, что отец вообще собирался еще когда-нибудь встречаться с младшим сыном (он и не встретился), не говоря уже о том, чтобы взять его в свою компанию стоимостью миллион долларов на руководящую должность. Видимо, Уэйд ничего не знал о том, что произошло в тот день в офисе отца, и Чэнс не собирался просвещать его, по крайней мере, сегодня вечером.

После смерти отца Уэйд взял на себя роль генерального директора корпорации с такой же легкостью, как бокал пива у бармена. У Коула был почти такой же весомый опыт в роли финансового директора. Но никто в деловых кругах никогда ничего не слышал о Чэнсе Мастерсе.

– Это всегда был семейный бизнес, – не унимался Уэйд. – Когда умер его старший брат, папа продолжил дело. И я думаю, он всегда мечтал, что его сыновья когда-нибудь поступят так же.

Горничная подошла, чтобы убрать посуду и предложить еще кофе. Чэнс кивнул и подвинул к ней чашку. Он хорошо знал эту семейную легенду и не чувствовал потребности выслушивать ее снова. Он находил смешным до слез, что отец посвятил всю свою жизнь, чтобы построить бизнес-империю для семьи, которую он абсолютно забросил ради построения этого бизнеса. И, судя по тому, что Чэнс наблюдал, Уэйд собирался пойти по стопам отца. Он просто еще не встретил женщину, которая на это согласится. И Чэнс с отвращением думал, что рано или поздно такая особа непременно найдется.

– Почему бы тебе не слетать с нами на денек в Даллас, пока ты здесь? Посмотришь на документы, на цифры. Получишь представление о том, что такое «Мастерс корпорейшн Лтд.», о том, что мы делаем, чего пытаемся достичь.

Уэйд полностью игнорировал тот факт, что у Чэнса уже была работа. Это была работа на ВМС США. И Чэнс не знал, как объяснить это брату. Этот разговор обещал быть тяжелым для них обоих, поэтому Чэнс решил его отложить.

– Нет проблем, – сказал он и поднялся со стула. Он собирался пойти и посмотреть на то, что его действительно интересовало, – на ранчо. – Назови день, давай съездим.

Это не значит, что он не заботился об их семейном бизнесе. Ему было интересно взглянуть изнутри на дело, которое обеспечивало солидный доход уже трем поколениям Мастерсов. Он просто сомневался, что готов променять оружие на ручку и калькулятор.

Тем не менее он был многим обязан Уэйду, и поездка в Даллас – это самое меньшее, что он мог сделать для брата.

Уэйд протянул Чэнсу руку, и тот с готовностью ее пожал.

– Хорошо, что ты вернулся, братишка. Не сердись на меня за то, что я хочу подольше удержать тебя рядом.

– Я понимаю. Тебе все еще не дает покоя то, что ты ни разу не обыграл меня в шахматы.

– Да, но когда-нибудь обязательно обыграю, именно для этого ты мне здесь и нужен, – рассмеялся Уэйд.

Чэнс воспользовался возможностью закончить этот рискованный разговор на оптимистичной ноте.

Он догадывался, что эта поездка домой будет нелегкой, но не подозревал, в какую ловушку попадет. Уэйд был полон решимости заставить его оставить армию и сделать частью корпорации.

А тут еще и Холли... Его плоть напряглась, стоило ему лишь увидеть ее в клинике. Он разрывался между желанием поближе познакомиться с очень сексуальной красивой молодой женщиной и намерением держаться подальше от младшей сестры своего лучшего друга. Не прошло и двадцати четырех часов с тех пор, как он приехал на ранчо, а она уже полностью завладела его мыслями.

Чэнс вышел из дома и с наслаждением вдохнул свежий ночной воздух, пахнувший сосной и свежесрезанной люцерной. Он потерял левую руку, надеясь, что это поможет унять тупую боль, напоминавшую о ранении. Последнее задание стоило жизни двум его людям, а ему самому оставило пару сувениров сорок пятого калибра.

Первая пуля прошла в дюйме от его сердца, так что ему еще повезло. Вторая попала в колено, и эта травма могла серьезно изменить его жизнь. Чэнс провалялся в госпитале несколько недель, врачи сделали все возможное, чтобы сохранить ему коленный сустав и восстановить связки. Его врач не был убежден в возможности стопроцентной реабилитации, а для службы в спецназе это было необходимо. Док был честен с ним. У Чэнса были все шансы вернуться к полноценной жизни как гражданское лицо, но травмы могли помешать ему вернуться в спецназ. Чэнс старался гнать от себя такие мысли. Что он будет делать, если это произойдет? Речь шла не о деньгах, речь шла о жизни.

Он нашел свое место и работал больше, чем большинство людей, чтобы занять его. Он не был готов уйти в отставку и осесть в офисе, но, по крайней мере, у него была такая возможность.

Чэнс любил своих братьев и знал, что они его поддержат. Но их пути давно разошлись. Он уважал их достижения и надеялся, что они ответят ему тем же.

Он заметил мерцающий огонек, пробивавшийся сквозь листву деревьев. Это в конюшне. Когда они с Джейсоном были школьниками, все время торчали там – ухаживали за лошадьми, наводили чистоту. Их никто не заставлял, просто это доставляло мальчишкам удовольствие. Холли обычно увязывалась за ними. Когда они не возились там, то объезжали пастбища, проверяли заборы. Им нравилось проводить время вместе. Удивительно, но только после встречи с Холли он действительно почувствовал, что вернулся домой. Но без Джейсона все было уже не то.

Братья сказали ему, что Холли получила лицензию ветеринара и открыла маленькую клинику рядом с их ранчо, но они промолчали о том, насколько она изменилась. Жизнь преподнесла Чэнсу немало сюрпризов, но к этому он оказался не готов.

Ему всегда нравилась ее старшая сестра, и он очень удивился, когда в старших классах она согласилась пойти с ним на свидание. Одного свидания ему хватило. Карли была совсем не похожа на тех девушек, с которыми он обычно встречался. Она была глотком свежего воздуха, а он был... полной противоположностью. Чэнс не предложил ей встретиться снова и не отвечал на ее звонки. Он знал, что причиняет ей боль, но сквозь алкогольно-наркотический туман понимал, что им не нужно больше видеться. Теперь он снова столкнулся с тем же искушением, но на этот раз все было намного сложнее.

Холли была очень женственной, хрупкой и грациозной, она двигалась, как балерина на сцене. Он был очарован с той секунды, как зашел в клинику. Она была совершенно не похожа на того худосочного ребенка, который таскался за ним по ранчо, задавая кучу наивных вопросов, например, как прыгают лягушки. Она трещала без умолку, и Чэнс поражался, когда она успевает дышать. Сейчас Холли была по-прежнему худенькой, но в ней появилось изящество. Волосы сохранили тот очень светлый оттенок, который, кажется, бывает только у детей. Золо-

тистые брови только подчеркивали глаза насыщенного медового цвета. А губы были просто созданы для поцелуев.

За те годы, что он отсутствовал, Холли Андерсон повзрослела и превратилась в удивительно красивую женщину.

Чэнс внезапно осознал, что думает он ней уже полчаса, и постарался прогнать эти неуместные мысли. Холли всегда была для него как младшая сестра. У них особая дружба, и он не станет делать ничего, что могло бы разрушить их уникальную связь. По крайней мере, так он решил.

Обдумывая все это, он обошел бассейн с искусственным водопадом и вышел за кованые ворота, отделявшие поместье от пастбищ.

Как и главный дом, конюшня была выстроена из местного природного камня. В небольшом холле стояли лавки и шкафы, в которых красовались призы и кубки, слева находился офис, обшитый панелями красного дерева, справа – две душевые кабины и две комнаты отдыха. Прямо по главному проходу шли стойла.

Внутри Чэнса встретило негромкое фырканье и ржание. Знакомый с детства запах сосновой стружки, люцерны и кожи подействовал на него успокаивающе.

Конюшня показалась ему меньше, чем он помнил. Он прошел по проходу, поглядывая на лошадей в стойлах, некоторые все еще жевали зерно или сено, которое насыпали им вечером. Их шелковистая шерсть блестела даже при тусклом ночном освещении. Этих лошадей растили и воспитывали так, чтобы они стали лучшими, и они старались не обмануть ожидания.

Чэнс дошел до помещения, где на длинных стойках лежали седла. На противоположной стене висели уздечки, в углу стоял высокий шкаф, в котором хранились всякие предметы для ухода и груминга. На одной из стоек он заметил английское седло. Чэнс потянулся и взял его. Оно было легким, вдвое легче ковбойского. Наверное, для гостей, которые приезжали на выходные и были непривычны к местной упряжи.

Чэнс вышел на задний двор, где под открытым небом хранилось сено. Он сел на тюки, откинулся назад и стал смотреть на звездное небо. Ему не хватало этого. Он провел много ночных операций, но тогда ему было не до звезд.

Он глубоко вдохнул прохладный воздух. Пока не будет принято решение относительно его работоспособности, все, что он мог сделать, – это держать пальцы крестом. Здесь его назначили на прием к гражданскому врачу. Чэнс надеялся на хорошие новости, но в душе у него было жуткое предчувствие, что его жизнь в спецназе закончена. Ему уже тридцать лет. Многие ребята в этом возрасте оставляют спецназ, и, без сомнения, все они хотели бы иметь те возможности, которые братья предоставляют Чэнсу.

Но он не хотел их использовать.

Холли лежала на спине и смотрела, как в темноте тихо крутятся лопасти вентилятора.

Она устала. У нее был трудный день. Но даже после горячей ванны она не могла уснуть. Ее мозги не хотели отключаться. Холли посмотрела на часы и поняла, что она ворочается уже два часа, а сна ни в одном глазу. И она знала, что это из-за того, что Чэнс вернулся.

Он, наверное, сейчас был с братьями в большом доме. Уже за полночь. Наверное, они спят. Даже если и не спят, не заявится же она к ним среди ночи. Но вдруг Чэнс тоже не спит? Что, если ему захотелось подышать свежим воздухом? Есть только одно место, куда он может пойти в час ночи.

Она выскочила из кровати, натянула джинсы и заглянула в комнату Эммы. Девочка крепко спала. Холли пригладила волосы руками, схватила телефон и прошмыгнула к задней двери.

– Ты куда? – пробормотала Аманда. Она почти спала, но все равно настойчиво пялилась в телевизор.

– Не могу уснуть. Просто погуляю немножко. Если что, у меня с собой мобильник.
– Ладно.

Холли выскочила на улицу и бегом кинулась к конюшне. Если его там нет, она хоть сбросит лишнюю энергию. Но если он там, она не хотела терять ни одной секунды, которую могла бы провести с ним.

Она побежала вниз по тропинке, по мосту, через темную рошу, полную щебета ночных птиц, и, наконец, добралась до конюшни.

Двойные двери были открыты, но внутри она не заметила никаких признаков чьего-либо присутствия. Кроме лошадей, конечно. Она быстро заглянула в офис, прошла мимо стойл, зашла в фуражную – никого. Холли разочарованно вздохнула и направилась было к выходу, но тут услышала какой-то звук. Сперва ей показалось, что это лошадь фыркает, но потом поняла, что это скорее похоже на человеческий храп. Холли замерла. Через несколько секунд храп раздался снова. Холли поняла, что он идет откуда-то из дальнего конца конюшни. Холли быстро пошла на звук, прошла всю конюшню и вышла на задний двор.

На открытой площадке слева хранилось сено для лошадей. Там она заметила две длинные ноги в камуфляжных штанах, заброшенные на тюк сена.

Чэнс крепко спал, закинув руку за голову.

Ей лучше просто уйти и дать ему выспаться.

Ей правда лучше уйти.

Она прикусила нижнюю губу и взглянула на тюк сена. Ну, в крайнем случае, уснет снова. Если захочет. Она присела на корточки, вытянула из тюка длинную соломинку и пощекотала ею нос Чэнса. Тот дернулся и шлепнул ладонью по лицу. Холли еле подавила смешок и снова провела травинкой по лицу спящего.

В ту же секунду она каким-то непостижимым образом оказалась на спине, руки выкручены за спину, Чэнс крепко прижимал ее своим телом к земле, а его пятерня стискивала ей горло.

Время остановилось. Его лицо было всего в нескольких дюймах от ее лица, яростные глаза совсем близко от ее глаз. Она не знала, стоит ли ей попытаться подать голос или безопаснее оставаться абсолютно неподвижной.

Она слышала, что у солдат с посттравматическим синдромом часто бывали ночные кошмары. Но глаза Чэнса были открыты, взгляд совершенно ясный и сосредоточенный.

– Чэнс? – еле выговорила она. – Чэнс, это я, Холли.

– Я знаю, что это ты, – злобно ответил он. – А ты знаешь, что только что чуть не отправилась на тот свет?

– Прости. Я поняла. Больше так не буду, – пискнула она.

Но Чэнс не спешил отпускать ее. Его мощное тело впечатывало ее в землю, и, хотя он ослабил хватку, Холли чувствовала, что совершенно в его власти, но ей совсем не хотелось освободиться и убежать. Ей хотелось остаться здесь, с ним, ощущать вес его тела, его дыхание на своем лице. Ее испуг почти сразу исчез, уступив место совсем другому чувству. Холли едва могла побороть искушение теснее прижаться к нему бедрами. Его яростные глаза завораживали и очаровывали. Она чувствовала запах его пота. Все это совершенно ошеломило ее. Она горела и знала, что только Чэнс мог потушить этот пожар. Она посмотрела на его губы – всего в нескольких дюймах от ее – и машинально облизнулась. Холли видела, как напряглось его лицо. Она понимала, что Чэнс злится на нее, но не могла не думать о том, каковы на вкус его поцелуи. Двенадцать долгих лет назад, прощаясь с ним, она обняла и поцеловала его, но тогда она была просто ребенком, и Чэнс, рассмеявшись, отодвинул ее в сторону. Она сохранила память о том поцелуе, хотя это была просто детская мечта. Сейчас они были взрослыми, его губы были совсем близко, и Холли чувствовала его затвердевшую плоть, упирающуюся ей в бедро.

– Черт возьми, Холли!

Резким движением Чэнс вскочил на ноги. Он ненавидел себя за то, что чуть не поцеловал ее. Но отвращение к себе переплеталось с разочарованием, что он этого не сделал. И он знал, что не смог бы ограничиться поцелуями, – Холли была слишком соблазнительна, а у него давно не было женщины.

Но Холли была не просто еще одной доступной женщиной.

Он не сделает этого, даже если она попросит. Не здесь, на конюшне. Нигде и никогда.

Он глубоко вздохнул и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

Чэнс подумал, что, наверное, должен извиниться, но он был прямодушным человеком, и ему было трудно сказать, что он сожалеет о том, о чем на самом деле не жалел. Не принимая его руки, Холли поднялась. Она явно чувствовала себя очень неловко и избегала его взгляда. Чэнс понимал, о чем она думает: она предложила себя, а он отверг ее. Но, черт возьми, неужели она не понимает? Она не была случайной женщиной для случайного секса. Она значила для него намного больше.

– Ты всегда такой злой спросонья? – неловко спросила она.

Злой? У Чэнса было много слов для того, что чуть не случилось. Слова «злой» среди них не было. Он уронил голову и тяжело вздохнул. Потирая затылок, Чэнс обдумывал, как объяснить ей, почему он оказался таким «злым спросонья».

– Холли, я провожу большую часть своего времени в таких точках земного шара, где единственное, что помогает тебе выжить, – это быстрота реакции. Это невозможно отключить. Если кто-то старается подойти к тебе незаметно – это, скорее всего, враг. А если это враг, то его надо сперва уничтожить, а потом задавать вопросы. Иначе умрешь первым. Это автоматическая реакция.

– Я не знала.

Чэнс кивнул.

– Теперь знаешь.

Холли ни словом не упомянула, как близко они подошли к тому, чтобы навсегда уничтожить их дружбу. А поскольку она чувствует себя оскорбленной, лучше сразу прояснить этот момент.

– И есть еще одна вещь, которую я должен тебе сказать. Я не буду заниматься с тобой сексом. Мы никогда не будем заниматься сексом. Ты – мой друг. Очень близкий и дорогой. И ты – младшая сестра Джейсона. – Он глубоко вздохнул и продолжил: – Это навсегда уничтожило бы нашу дружбу, а я не хочу этого.

Но он не мог не думать о том, что если бы минуту назад она подняла голову всего на четверть дюйма и коснулась его рта своими нежными губами, то сейчас они говорили бы совсем о другом. Если бы вообще говорили.

– Прекрасно, – фыркнула она. – С чего ты вообще взял, что я собиралась заниматься с тобой сексом? У тебя мания величия!

– Вот как?

– Да, так! – прошипела она. – Ты мне даже не нравишься! В этом смысле.

– Милая, не путай. Наши чувства очень отличаются. В этом смысле. Я безумно хочу тебя. Я считаю тебя самой красивой и сексуальной женщиной, которую я когда-либо видел. Но я не буду прикасаться к тебе, даже если это сведет меня с ума. А такое запросто может случиться. Теперь скажи, что ты здесь делаешь? Что тебе нужно?

Холли смотрела на него со смесью обиды и недоверия.

– Что мне нужно?

– Ты разбудила меня, наверное, у тебя есть причина! – рявкнул он.

Она обняла себя руками, будто защищаясь. Она молчала.

– Ну? – не отступал Чэнс. – Это что, секрет какой-то?

Холли гневно сузила глаза.

– Я просто пытаюсь понять, кто ты. Потому что ты точно не мой друг, Чэнс. Он покачал головой и вздохнул.

– Холли, послушай... Извини меня, ладно?

Когда он в последний раз перед кем-нибудь извинялся?

– Мне ничего не нужно, командер Мастерс. Я не искала развлечений. И уж совершенно точно я не ждала, что мне прочитают лекцию о том, как опасно будить спящего хама. Когда это ты стал таким высокомерным? Ты же всегда был добрым. Извини, что разбудила.

Она развернулась и пошла обратно в конюшню.

– Холли!

– Спокойной ночи, – бросила она, не оборачиваясь.

«Просто дай ей уйти. Отпусти ее. Зачем тебе проблемы?»

– Холли! – Он провел рукой по лицу. – Подожди.

Она замедлила шаги, потом остановилась, но так и не обернулась.

Чэнс смотрел на ее распущенные волосы, сиявшие мягким золотым светом, того же оттенка, что и застрявшие в них соломинки, и проклинал себя за то, что окликнул ее. Холли медленно повернулась. У нее было лицо ангела и тело модели «Плейбой». Если она все время будет рядом, в пределах досягаемости, он сойдет с ума. Или наделает непоправимых ошибок. Или и то и другое вместе.

– Я... я не могла уснуть, – тихо сказала она наконец. – Наверное, это потому, что ты вернулся. – Она смущенно засмеялась, будто поняла, насколько это была странная мысль. – Я подумала, может быть, тебе тоже не спится, и ты бродишь где-то рядом, и, возможно, тебе нужна компания. Я думала, что мы поболтаем. Как раньше. Извини, что разбудила тебя.

Чэнс вполголоса выругался, и ругал он самого себя. Каждая клеточка его тела и его мозга кричала «нет!», но он повернулся, сел на старое одеяло, которое раньше нашел в офисе, и похлопал по месту рядом с собой, приглашая ее сесть.

– Я не против твоей компании. И я постараюсь снова быть добрым. Как раньше.

Немного расслабившись, Холли подошла к нему и стала подгрести сено к его импровизированному ложу, напоминая при этом птичку, строящую гнездо. Собрав небольшую копну, Холли удобно устроилась на ней и улыбнулась Чэнсу. Она вся сияла в лунном свете – волосы, кожа, глаза – и пахла какими-то ягодами, наверное, из-за шампуня. Чэнсу казалось, что он даже чувствует тепло ее тела в прохладном ночном воздухе.

Это была очень плохая идея.

– Ну что, парни уже доставали тебя своим планом «брось спецназ, вернись домой»?

Интересно, кто из его братьев такой болтливый?

– Уэйд?

– Коул, – улыбнулась Холли. – Люди любят сплетничать, особенно мужчины. Значит, доставали. И что ты ответил? Дай угадаю! Просто сбежал ночевать в конюшню?

– Знаешь, военно-морская разведка может позавидовать твоей проникательности, – усмехнулся Чэнс, потом серьезно добавил: – Я пока хочу осмотреться.

– Это мудрое решение, – ответила Холли задумчиво.

– Расскажи мне о своей клинике.

– Ты же ее видел, и я тебе уже все рассказала. Лучше расскажи о себе.

– Чувствую, что пожалею об этом... Что тебе рассказать?

Он повернул голову и посмотрел ей в глаза. Их лица были так близко друг к другу. Холли невольно опустила взгляд на его губы и уже не могла отвести. Ее приоткрытый рот влажно блестел, мягкий, нежный, готовый к поцелую...

– Это трудно?

Глава 3

Чэнс замер, потом откашлялся и попытался обдумать вопрос. Он много лет жил среди мужчин, которые кулаками решали проблему неверно истолкованного слова.

Это была Холли. Но лучше перестраховаться, особенно после того, что случилось.

– Трудно – что?

– То, что ты делаешь. Твоя работа. Спецназ. – Она повертела в пальцах соломинку. – Я знаю, что вы, ребята, лучшие, но все равно иногда... иногда случаются плохие вещи. Как с Джейсоном. Я знаю, что ты был ранен. Уэйд сказал мне. Я слышу об инцидентах в Ираке или Афганистане: вертолет упал или кто-то на mine подорвался. Я знаю, каково это – когда жена близкого человека звонит и кричит в истерике, что твой брат, ее муж и отец их ребенка погиб. Но я даже не могу себе представить, каково быть там, на самом деле увидеть кого-то убитого или тяжело раненного.

Чэнс слышал дрожь в ее голосе и чувствовал, как Холли старается ее побороть.

– После Джейсона это стало таким реальным, – продолжала она. – Теперь это уже не просто новости по телевизору про кого-то где-то. Теперь это все про тебя. У меня сердце замирает всякий раз, когда сообщают об очередном столкновении. Я стала бояться звонков Уэйда.

Чэнс был очень удивлен. Ему и в голову не приходило, что малышка Холли будет следить за новостями и беспокоиться о нем.

– Это работа, Холли. Работа, которую кто-то должен делать. Я стараюсь смотреть на это так. Я доверяю своей команде. Я знаю, что они тоже доверяют мне. Большею частью мы справляемся. Иногда нет. Но ведь такое везде происходит, чем бы ты ни занимался.

На самом деле каждый из них помнил, что следующий вдох может стать последним. Но Чэнс не любил говорить об этом.

Она долго молчала.

– Я хотела написать тебе. – Холли зябко поежилась. – Особенно после того, как Джейсона убили. Уэйд даже адрес мне хотел дать. – Она покачала головой. – Но я боялась, что напишу что-нибудь не то, что-то, что тебя расстроит...

– Зря. Могла бы и написать. Мне было бы приятно получить от тебя весточку.

Холли повернулась к нему:

– Правда?

– Правда.

В конюшне заржала лошадь, другая ей ответила.

– Лошади всегда в полной готовности, ночью и днем, – улыбнулась Холли. – Мне нравится это в них. Они всегда ждут, что их оседлают и куда-то поскачут. Я думаю, им это нравится не меньше, чем всадникам.

– Наверное, ты права. Мне всегда с трудом удавалось завести их обратно в стойло.

– Как ты думаешь, ты еще не разучился?

Чэнс опять растерялся. Этот вопрос можно было истолковать по-разному, очень по-разному.

– Делать что? – неуверенно спросил он.

– Ездить верхом, конечно! – удивленно посмотрела на него Холли. – А ты о чем подумал?

Чэнс пожал плечами, надеясь, что она не станет уточнять.

– Конечно! Это как велосипед. Знаешь, как говорят: если научился, то это навсегда.

– Еще про секс так говорят. Получается, у них общий сценарий.

Про секс? Она специально заговорила об этом? Чэнс заглянул ей в лицо, но оно было младенчески невинным.

– Да что ты знаешь о сексе? – машинально сказал он и тут же прикусил язык.

Холодный взгляд, которым смерила его Холли, не требовал комментариев. Но она все равно прокомментировала.

– Ты в самом деле хочешь поговорить об этом? – спросила она. – Чэнс, мне двадцать четыре года, и я учусь на врача. Я знаю о сексе, наверное, даже больше, чем ты.

Чэнс предпочел не заметить вызова в ее голосе.

– Я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду? Что я просто глупая маленькая девчонка, которая никогда не покидала ферму?

– Я никогда не сомневался в твоём интеллекте, – пробормотал он, стараясь незаметно поправить брюки. – Ты всегда была очень умной.

Чэнсу не нравилось направление разговора. Ему не хотелось думать, что Холли может побывать в объятиях другого мужчины, не говоря уже о постели. Хотя вообще, его это не касается. Холли взрослая, может встречаться с кем хочет. Но ему все равно это не нравилось.

– Ты с кем-то встречаешься? Я его знаю?

– Ни с кем я не встречаюсь. С тех пор как клиника обзавелась постоянной клиентурой, я и вздохнуть не успеваю. Пришлось нанять Джули для офисной работы – принимать звонки, назначать время приема.

– Ты сказала, что Кевин Грэйди – совладелец?

Она кивнула.

– Я помню его. Рыжий? И очки с толстыми стеклами?

– Да, – кивнула Холли и улыбнулась. – Видел бы ты его детей! Нам с ним повезло – у него есть опыт, а у меня была земля и старый дом, который достался мне после смерти тети Иды. Вот мы и стали партнерами. Пока все получается. У нас еще два старшекласника работают по выходным и по вечерам – прибираются, ухаживают за животными. И все равно куча хлопот. Сейчас вот все пытаемся освоить новую компьютерную программу.

– Освоите. Вы молодцы.

– Вроде да. Я многим обязана твоим братьям. Они дали мне денег на оборудование. Но я обязательно все верну!

– Сомневаюсь, что они беспокоятся об этом.

– Так когда поедем кататься верхом?

Чэнс колебался. На самом деле он был не так уж уверен, что сохранил навыки, и ему все еще следовало беречь колено. Ему уже удавалось ходить, не хромя, но ездить верхом он пока опасался.

– Я не знаю. Уэйд хочет, чтобы я съездил с ним в Даллас, но вряд ли это будет раньше следующей недели.

Она склонила голову к плечу и улыбнулась довольной улыбкой, будто кот, добравшийся до кувшина с молоком.

– Что? – настороженно спросил Чэнс.

– Я хочу кое-что показать тебе, пока ты тут. Совсем недавно обзавелась. Держу пари, ты согласишься пощадить примерно секунд через восемь.

Он не станет спрашивать. Ему неинтересно. Ему. Неинтересно. Что. Это.

– Неужели тебе неинтересно, что это?

– Нет.

– Опять злишься? – прищурилась Холли. – Ты, наверное, очень устал, у тебя было столько переживаний сегодня. Я подожду, пока ты отдохнешь и наберешься сил, и тогда покажу. Это проще показать, чем пытаться описать. Я уверена, ты скажешь, что я сошла с ума. Но мне нравится. Надо только поймать этот ритм, почувствовать эту живую силу, которая движется под тобой, контролировать ее... О, это бесподобно!

Чэнс закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он чувствовал, что Холли смотрит на него, но не знал, как тактично ей ответить.

– Мы можем сменить тему? – спросил он, откашлявшись.

Зачем только он пошел на конюшню?

– Конечно. С тобой все в порядке?

– Да.

«Нет!» – кричало все у него внутри. Но что он мог поделать?

Холли игриво шлепнула его по руке.

– Так о чем ты хочешь поговорить?

Но Чэнс пока не нашел ни одной безопасной темы для разговора, и у него быстро заканчивались идеи. Он вернулся на ранчо, чтобы отдохнуть и поправить здоровье, но этого он не предвидел. Он не думал, что Холли может так измениться и превратиться в женщину, которую ему захочется узнать поближе. Намного ближе.

– Как насчет того, чтобы прокатиться в воскресенье? Я скажу Уэйдю, что мы поедем в Даллас неделей позже. Я хотел бы посмотреть, как обстоят дела на ранчо.

– Отлично. – Холли зевнула. – Вот тогда и покажу тебе предмет своей страсти.

Чэнс чуть не подпрыгнул на месте. Ему нужна сигара. Или пиво. А лучше – и то и другое. В последний раз, когда он видел Холли, она была ребенком. Тогда она почему-то была очень привязана к Чэнсу и по пятам ходила за ним по ранчо, сначала со своим братом, потом одна. Чэнс не хотел ранить чувства десятилетнего ребенка и не знал, как сказать ей, чтобы она перестала таскаться за ним и оставила его в покое. А она все не отставала, и постепенно Чэнс привык к ее постоянному присутствию и даже стал получать от него удовольствие, а иногда и скучал, если ее не было рядом.

Маленькая Холли была симпатичной девчушкой, смысленной, никогда не стеснялась говорить, что думает, даже если это кого-то обижало. Чэнс и сам был прямым человеком и в других уважал прямоту. От ее дома до школы было больше пятнадцати миль, поэтому она редко общалась с одноклассниками вне школы и у нее не было друзей среди них. Чэнс был ей вроде старшего брата. До того момента, как сегодня вечером вошел в ее клинику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.